

Александр Пискунов

Мой Ангел -

хранитель

Самым лучшим подарком
является работа в саду
Приглашаю вас и ваших друзей
в гости в гости в гости
в гости в гости в гости
в гости в гости в гости

Н. А. Пискунов
Москва. Звездный сад
в саду в саду в саду
в саду в саду в саду

УДК 908
ББК 63.3(2Р)
П-345

Пискунов А. Н. Мой Ангел-хранитель — Верхний Тагил: Уральское
Провинциальное издательство (ИП Чумаков С. В.), 2022.

Знак информационной продукции 12+
Подготовлено на основе макета печатного издания.

Ознакомительный файл.

Редакторы: Катана С. А., Пискунова Е. А., Чумаков С. В.
Дизайн обложки: Чумаков С. В.
Технический редактор: Чумаков И. В.
Подготовка электронного издания: Чумаков С. В.

В основу книги положены автобиографическое повествование и воспоминания уральского писателя-натуралиста о своей жизни и деятельности по охране природы.

В сборник вошли статьи природозащитника, избранные дневниковые записи и переписка, а также публикации СМИ.

Издание иллюстрировано фотографиями из семейного архива автора.

Все права защищены. Предназначено для использования только в личных целях. Копирование, распространение и коммерческое использование запрещены.

- © Пискунов А. Н., наследники, текст, 2021
- © Катана С. А., текст, 2021
- © Арапова Е. А., наследники, текст, 1998
- © Мазурина Т. В., текст, 2006
- © Горев Н. Б., Назаров В. П., фотографии, 2021
- © Составление, оформление. ИП Чумаков С. В., 2021
- © Электронное издание. ИП Чумаков С. В., 2022

ИП Чумаков Сергей Викторович, Свердловская область, г. Верхний Тагил
e-mail: uralizdat@bk.ru сайт: <https://uralizdat.ru>

Александр Пискунов

*Мой Ангел-
хранитель*

УРАЛЬСКОЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Верхний Тагил
2022

СОДЕРЖАНИЕ

«Неудобный» человек	3
Александр Николаевич Пискунов	5
<i>С. Катана.</i> Пусть каждый сам решает	7
МОЙ АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ	9
Беспокойное детство	12
Всё для фронта...	23
На войне, как на войне	31
Служба на Эльбе	66
От берегов Эльбы до берегов Каспия	73
Верхний Тагил	91
Последняя весна	110
Лиана или история первой любви	112
ЗАЩИЩАЯ РОДНУЮ ПРИРОДУ	117
ОЧЕРКИ И СТАТЬИ	155
Царь-гриб	156
И лес остался жить	157
О чём поведала берёзка	159
Святыня среди мусора	162
Рыцарь природы	164
О редких птицах окрестностей Верхнего Тагила и Висимского заповедника	167
Защитник защитников	169
ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ	171
ПЕРЕПИСКА	181
ЖИЗНЬ В СОГЛАСИИ С ПРИРОДОЙ	191

«НЕУДОБНЫЙ» ЧЕЛОВЕК

От издательства

Представляемая книга содержит воспоминания природо-защитника и писателя-натуралиста Александра Николаевича Пискунова о своей долгой и насыщенной событиями жизни. Написанная незадолго до смерти автобиографическая повесть, хоть и осталась неоконченной, охватывает весь его жизненный путь, от беспокойного детства 30-х годов прошлого века до нового, «послеперестроечного», времени.

Тем не менее, последнее произведение автора нельзя отнести строго к мемуарному жанру. По оценке одной из его дочерей, это «автобиографическая экзистенциальная повесть про жизнь, процесс, который был словно предопределён и обеспечен защитой некой высшей силы (отсюда и её название)».

В тексте много личного: и фактов из жизни, и отношения к поступкам людей, и мыслей, и чувств – и порою мистического. И от этого описанные истории воспринимаются намного ярче, и личность человека, излагающего их через своё восприятие, становится более понятной и близкой.

Помимо основного автобиографического труда, в издание вошли также воспоминания натуралиста о своей борьбе за охрану природы и экологической деятельности. Написаны они были в период 2005 – 2009 годов и хранились в семейном архиве. Кое-где они перекликаются с автобиографическим повествованием, но излагают события более подробно, поэтому служат хорошим дополнением к основному тексту.

Свои мемуары Александр Николаевич не успел дописать, и в них не вошёл важный период его жизни – с 1993 по 2004 годы, когда он возглавлял Верхнетагильский историко-краеведческий музей. Отчасти этот пробел заполняют письма и избранные дневниковые записи, запечатлевшие его жизнь и деятельность с 2001 по 2005 год.

В издание также включены отдельные очерки и статьи (в том числе упоминаемые автором в воспоминаниях), а также публикации в СМИ, основанные на интервью с А. Н. Пискуновым.

Знакомясь с воспоминаниями натуралиста, его дневниковыми записями, письмами, замечаешь, что он был для многих очень неудобным. И для своих учителей в школе; и для старших чинов на службе в армии и милиции; и для «слуг народа», привыкших жить по своим «законам» и понятиям; и для многих «простых граждан», стремившихся побольше «урвать от жизни». Его принципиальность, непримиримость в отстаивании своей позиции, справедливости и закона мешали многим окружающим его людям «спокойно жить».

И как в противовес его «жестокости», из-за которой «обиженные» называли полковника милиции не иначе, как «Пиночет», ребятня прозвала Александра Николаевича «птичьим папой» за то, что он лечил и выхаживал пернатых «меньших братьев». И эта нежность к беспомощным перед человеком созданиям была не показной, а внутренним содержанием его души, прорываясь в дневниковых записях: «Илья принёс слётка дрозда-рябинника. Пришлось нянчить»; «Неизвестные подростки передали мне коростеля. ... Я всегда мечтал лелеять это чудо».

Эта увлечённость природой в глазах «серьёзных» людей делала его «странным», «чудным», занимающимся «ерундой». «Хватит быть чудачком», – слышал он порою от собеседников.

В памяти многих тагильчан он и остаётся таким чудачком – хозяином «домашнего зоопарка», читающим в музее и школах лекции о животном мире Урала и высаживающим ростки дуба на Лубной горе...

Основная заслуга в издании мемуаров принадлежит дочерям Александра Николаевича, Елене и Светлане. Они поддержали идею о публикации воспоминаний, проделали нелёгкую работу по расшифровке и редактированию рукописей, подготовке их к изданию.

Выражаем благодарность оказавшим помощь в подготовке издания:

Назарову В. П. за документы и фотографии;

Гореву Б. Н. за фотографии и консультации;

Балакину А. С., Бороздину Н. В. и Евсикову С. А. за консультации.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ПИСКУНОВ (27.10.1927 – 01.10.2009)

Александр Николаевич Пискунов родился в посёлке Цементный Невьянского района Свердловской области.

Во время ВОВ в возрасте четырнадцати лет Александр пошёл работать на Невьянский цементный завод слесарем. В 1944 году, в возрасте семнадцати лет, был призван в армию. Летом 1945 г. принимал участие в знаменитом пешем переходе по степям Монголии и форсировании горного хребта Большой Хинган, в боевых действиях против японцев.

По окончании войны с Японией проходил службу в Северной Корее, Германии и в разных частях СССР.

После выхода в запас с 1960 года постоянно проживал в городе Верхний Тагил. Прошёл путь от участкового инспектора до начальника Верхнетагильского ГОМ. Работая в органах милиции, уделял много времени и сил охране природы и борьбе с браконьерством.

В конце 1970-х годов на горе Лубной в окрестностях Верхнего Тагила открыл стоянку древнего человека и инициировал археологические раскопки, выявившие артефакты, предположительно Шигирской культуры. Благодаря его исследованиям вершина горы Лубная в 1984 году получила статус Памятника природы областного значения.

С 1980 года в течение десяти лет работал в Висимском государственном заповеднике сначала лесником, а затем инспектором по охране природы. Вёл активную пропаганду охраны природы, писал статьи, читал лекции, участвовал в рейдах по задержанию нарушителей. За время работы в заповеднике стал подготовленным натуралистом.

В 1970-90-х гг. неоднократно избирался депутатом Кировградского и Верхнетагильского городских Советов, где возглавлял постоянные депутатские комиссии по охране природы. По его инициативе впервые в стране была создана районная экологическая милиция.

В 1991 г. принял участие в конкурсе им. А. Н. Формозова в Москве, где его материалам было присуждено второе место по стране. Был Почётным членом Уральского орнитологичес-

кого общества, членом Уральского экологического союза.

С 1993 по 2004 г. занимал должность директора Верхнетагильского краеведческого музея, в создании которого принимал активное участие. По его инициативе в музее был создан отдел природы, большинство экспонатов которого изготовлено самим А. Н. Пискуновым, читались лекции о природе родного края, работал кружок краеведения.

С начала 1980-х гг. как писатель-натуралист сотрудничал с местными и региональными СМИ (журналы «Уральский следопыт» и «Веси», газеты «Ключ Земли», «Кировградский рабочий», «Областная газета», и др.).

В 2003-2009 гг. вёл постоянную рубрику «Вопросы натуралисту» в газете «Уральский рабочий», завоевавшую большую популярность у читателей, за что был награждён медалью «За добросовестный вклад в развитие журналистики Среднего Урала».

В 2009 году незадолго до смерти выпустил сборник очерков «Записки натуралиста», в который вошли его лучшие произведения о природе.

Пусть каждый сам решает

У книги «Мой Ангел-хранитель» был долгий путь от замысла к воплощению. Честно, я вообще удивляюсь, что она всё-таки выходит... Когда-то давно-давно, я рассказывала папе, как в тяжёлых жизненных ситуациях мне помогали обстоятельства. «А мне-то как помогали, – задумавшись, ответил он. – Я когда-нибудь книгу об этом напишу. В божественное не верю, но будто бы оберегал кто-то».

Описывая свою жизнь и ситуации, в которых он, как герой повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», «много раз погибал, но не разу не погиб», папа хотел, чтобы читатели сами задумались, есть ли здесь чудесное, или же жизнь сама по себе чудо, где всё бывает. Чтобы каждый смог оглянуться на своё прожитое, и постараться увидеть своего Ангела. И если есть Хранитель, ты перед ним, в свою очередь, тоже в ответе за содеянное. Жизнь же такое счастье, что надо дорожить не только своей, но и жизнью тех, кто рядом. Отец, конечно, не был идеальным, он бывал и резким, и жёстким. Но главной чертой папиного характера я считаю даже не обострённое чувство справедливости, а постоянную готовность броситься на помощь, пожертвовать собой ради кого-то, пусть и не знакомого. Даже защищая природу, он, в конце концов, защищал людей.

Книга «Мой Ангел-хранитель» осталась недописанной. Собиралась она из черновиков, дневниковых записей и устных его рассказов в кругу семьи, рассказываемыми неоднократно и уже «отшлифованных» автором многочисленными повторениями. Мы очень любили слушать его захватывающие истории о себе и своей жизни, часто просили его повторить тот или иной эпизод из его жизни: «...а расскажи, как тебя осы укусили...». И начиналось уже до мелочей знакомое, очень артистичное повествование, озвучиваемое им самим «по ролям», с изменением голоса и выражения лица в зависимости от сюжета. Вообще, папины истории чаще всего были весёлыми. Он больше любил рассказывать про смешное, про приключения, про нелепые ситуации, из которых приходилось искать выход. Суровая правда упоминалась гораздо

реже. И казалось, что война – это просто приключение, и уж кому, как не папе, преодолеть все опасности... Да и сам он говорил, что не жалеет о пережитом, зато мир повидал, зато жив остался.

Когда папа доживал последние месяцы, мы уговаривали его постараться завершить задуманное. В ответ он только улыбался: «Не, что-то духу не хватает... Так долго меня мой Ангел оберегал, ему на покой пора. Но сколько же всего незаконченного осталось!».

Остались дела, которые нам надо продолжать: изучать, оберегать, спасать... Пусть, конечно, каждый для себя решает, что для него в жизни главное. И не забывайте, берегите свои «семейные истории», они – важная часть фундамента нашей жизни.

С. Катана

Мой Ангел-
хранитель

Фортуна вершит судьбами людей не единолично. У неё три сестры. Греки называли их мойраами, а римляне парками. Клото – начинала нить жизни, Лахезис – продолжала, а Атропос – перерезала её.

С минуты, когда златокудрая парка
Вручила Нить жизни хозяйке-судьбе,
Ты бдишь мою душу,
Мой Ангел-хранитель,
За это я так благодарен тебе!
Мой путь проходил через все испытания,
Я принял страдания, я видел войну,
Но спас мою душу
Мой Ангел-хранитель,
И я без конца благодарен ему.

Со времён античности люди верят, что судьба каждого из нас predeterminedена свыше, и что от рождения до самой смерти человека его душу опекает ангел-хранитель. Будучи неверующим, я относился к этому, как к мифу, имеющему глубокие исторические корни. В моей жизни было много случаев, когда вероятность остаться в живых была очень низкой. Я считал все эти события случайными. Как материалист, я знаю, что случайность – это проявление необходимости или форма, за которой скрывается необходимость. Когда же таких случайностей набирается много, невольно начинаешь сомневаться в их случайном характере. Тогда кто и почему определяет необходимость? Оглядываясь назад, я так и не нашёл ответа на вопрос: predeterminedен ли жизненный путь человека, и для чего мне Судьба подарила столь длинную, интересную, но полную опасных случайностей жизнь?

Беспокойное детство

Родился я в далёком 1927-м году. Из четырёх родившихся в нашей семье мальчиков в живых остался только я. Смертность, особенно детская, тогда была очень высокой и смерть ребёнка никого не удивляла.

Было и в моём детстве немало случаев, когда смерть была, казалось, неизбежна, и спасение казалось чудом.

Суевериями я переболел ещё в детстве: все мы тогда верили в мистику, боялись нечистой силы. Соберутся, бывало, вечером соседские женщины зимней порой (конечно, когда хозяина дома нет – засмеёт) и начинают байки травить. Одна чёрта возле бани видела, другая, пока шла на вечерку, заметила летящий огненный шар. И залетел он не куда-нибудь, а в трубу соседской вдовушки, не иначе, как нечистый утешать отправился. Были истории про колдунов, про проклятые места. Дети подбирались к рассказчицам поближе, и сидели тихо-тихо, чтобы ни одного словечка не пропустить. В каждой семье тогда жили свои, фамильные предания. Были такие и в нашей... Моя младшая сестра Римма отличалась светлыми волосами. Её даже дразнили «Римосья – белые волосья». Так, не раз она просыпалась с заплетёнными в мелкие косички волосами. Спали дети на полатах, и как ни укладывали Римму – к стенке, с краю, в середину, всё равно появлялись косички. Домовой ли её любил, сёстры ли баловались, всё осталось тайной.

Моя мать Анна осиротела рано, росла в людях, нянчилась с чужими детьми. Как-то ночью, то ли во сне, то ли наяву, увидела маленькая Аня, как заходит в избу мать-покойница, постояла, посмотрела на дочку и прилегла рядом, а руку на грудь ей положила. И такая тяжёлая рука оказалась, что начала Аня задыхаться... Но девочка, хоть и маленькой была, в сокрушительную силу бранных слов верила. В страхе выразилась нецензурно, морок и рассеялся. С тех пор мама уверовала в сакральную силу матерных слов, в быту ими старалась не пользоваться, но когда попадала в переплёт, рубила на полную катушку.

Ещё в семье бытовала история про Женщину В Чёрном, которая являлась домочадцам время от времени. Её много кто из Пискуновых видел, но чаще всего она приходила к матери.

О подробностях и последствиях этих встреч я не знаю, но в последний раз она пришла к матери, когда они продали дом. Как водится, отпраздновали это событие выпивкой, легли спать. А ночью мама услышала, что вроде как вошёл кто-то. Встала, пошла проверить, видит, Женщина В Чёрном стоит, спрашивает: «Правда, что ли, что вы дом продали?». «Продали!», – отвечает мать. Женщина вскрикнула, и вцепилась маме в волосы. Завязалась борьба, они обе упали на пол, на шум прибежал отец, но Женщины В Чёрном уже не было, дверь же на улицу оказалась запертой на щеколду изнутри.

Тогда же дети, наслушавшись эдаких страстей, сталкивались с проблемой, как во двор ночью выходить, если приспичит. Страшно! Поодиночке не решались.

И как-то уехали родители и старшие сёстры на несколько дней, а с младшими – мной и Риммой – ночевала знакомая бабуля, маленькая и сухонькая. Надо сказать, мы побаивались оставаться ещё и потому, что совсем недавно у нас умер родственник, дядя Паша. Дядя Паша долго болел туберкулёзом, часто мучительно кашлял, он и скончался – то в один из приступов кашля, кровь горлом пошла. Ночью нам захотелось в туалет. Выходить боязно. Хотели бабулю попросить, чтобы с нами сходила, но та спала сном праведника, чинно сложив руки на груди. Постояли над ней, будить не решились, пошли сами. Шли тихо, вздрагивая от каждого шороха. И надо же было, только дошли до уборной, как за забором раздался мучительный, надсадный кашель. Сказать, что мы испугались, значит ничего не сказать. Как только на месте не умерли! Мало того, кашляющий человек за забором ещё и крикнул убегающим – «Куда вы?!». С диким воплем вбежали мы в дом и вцепились в своё последнее спасение, в улыбающуюся во сне бабушку. «Свят, свят, свят!», – закричала та, не понимая, что такое обрушилось на неё посреди сна... После того, как успокоились, спохватились, что все двери в доме оставлены открытыми. Надо закрыть. А всем страшно, включая бабулю. Шли втроём, держась за руки, бабуля крестилась и шептала молитву. Уже повзрослев, неся службу в армии, бывало, что находясь ночью на посту, боялся я не диверсантов, а умершего дяди Паши. Но страхи – страхами, а вот бывали и правда случаи, когда выжить удавалось чудом.

Однажды, когда мне было около пяти лет, мы с младшей сестрёнкой собирали ягоды на берегу заводского пруда. Увидев в воде стайку крохотных рыбок, я захотел поймать несколько мальков кружкой и зашёл в воду, но рыбки отплыли дальше от берега. Я потянулся к ним с кружкой, в этот момент мои ноги заскользили по илистому дну, и я ушёл на глубину. Плавать я не умел, но, стараясь не дышать, на корточках пополз вверх по крутому склону дна. Сестрёнка считала, что я утонул, и громко редела. Всё длилось не больше минуты. Моя белая рубашка, которую мать наказывала не пачкать, стала коричневой от ила и глины. Дома родные и не узнали, что, чуть было, не потеряли и пятого мальчика, а пожурили за испачканную одежду.

Детство – самая романтическая и интересная пора жизни, полная радостных откровений и неизгладимых впечатлений. В отличие от своих сверстников, которых уже в эту пору приобщали к физическому труду, я был предоставлен самому себе, и проводил время, как хотел. Бродил по лесу, разыскивал гнёзда птиц, гонялся за бабочками и жуками. Я постоянно открывал для себя что-нибудь новое, будь то неизвестный мне цветок или мотылёк. В клетках у меня жили синицы, чечётки, снегири.

Свою любовь к птицам я унаследовал от матери. Был такой случай в детстве, жил у нас снегирь, совсем ручной, все любили его. Но захотелось нам, детям, ещё снегириху поймать. Посадили любимца в садок для приманки, пошли в лес. Но не поймали никого, да и своего снегиря упустили. Домой бежим, ревём на весь посёлок. Мать: «Что случилось?». Рассказали о своей беде. Мама бросила все дела, взяла опустевшую клетку и пошла с непутёвыми чадушками на ловчее место. Посвистела снегирю, он тут же прилетел и на руку ей сел. «Ну, погулял? Иди домой», – сказала мама, отправляя птицу в клетку.

Первые знания о природе тоже дала мне мать. Гуляя со мною по лесу, рассказывала она мне о травках, птицах, животных – всё, что сама знала. Я мечтал стать путешественником или работником зоопарка, хотя в зоопарках никогда и не бывал. К тому же, мне хотелось, чтобы у меня был свой личный зоопарк.

Всё для фронта...

Наблюдая за событиями в мире, страна испытывала сильное беспокойство. Среди населения ещё сохранилась память о тех лишениях, которые испытали во время Первой мировой и Гражданской войн. Несмотря на это, мы, подростки, твёрдо верили в непобедимость Красной Армии и мечтали о военных подвигах, которые, несомненно, ждали нас в будущем. Начало войны мы встретили, как и большинство жителей посёлка, на массовом гулянии, которые тогда часто проводились по выходным дням. Услышав сообщение о нападении Германии, женщины первыми углядели надвигающуюся беду, многие из них плакали. Началась массовая мобилизация, сопровождаемая женскими причитаниями. Многие мужчины нашего посёлка ушли на фронт, и почти никто из них назад не вернулся. Все понимали, какая огромная опасность нависла над нашей страной.

Теперь отец работал без выходных, находясь по двенадцать часов в сутки на заводе. Помогая маме справляться с хозяйством, я бросил школу. В посёлке почти не осталось лошадей и машин, последние и без того были редкими. Чтобы запастись дровами, мама и я брали санки и уходили в лес, там мама срубала толстые сухостойные деревья, разрубала их на поленья, которые мы укладывали на сани и везли домой. Так приходилось снабжать себя топливом. Снова появились огромные очереди у магазинов и, чтобы получить хлеб по карточке, приходилось выстаивать сутками. Добровольцем ушла на фронт сестра Ася. Другая же моя сестра Рая осенью 1941 родила ребёнка, а муж её воевал. В известной мере нас спасала корова, однако заготовленное летом сено хранилось в стогах на покосе, в пятнадцати километрах от посёлка. И снова мы с мамой брали санки и, утопая в снегу, брели туда, потом тащили эти санки на себе. Такие путешествия мы совершали почти каждую неделю. Жили в основном на картошке, однако к весне почти всю картошку съели. Тогда мама, собрав все более-менее хорошие вещи, папины и сестёр, отправилась по деревням для обмена их на картофель. Мне также пришлось участвовать в одной из этих бартерных экспедиций. В посёлках, удалённых на 50-70 километров от

дома, нам удалось выменять вещи на три пуда картошки, из них два пуда несла на своих плечах мама, а один пуд тащил я. Дорогой мы настолько проголодались, что глодали сырой картофель. Такие «прогулки» длились несколько дней. Надо сказать, что жители деревень охотно пускали нас к себе на постой. Весной, перед посадкой картофеля, в поисках оставшихся в земле клубней, мы неоднократно перекапывали весь огород. Из мороженных клубней картофеля мама пекла лепёшки. Несмотря на чёрный цвет, они казались нам удивительно вкусными. Иногда мама брала подряды на изготовление валенок, за каждую изготовленную пару нам давали либо булку хлеба, либо 1-2 килограмма муки, хотя это был огромный труд.

Мама моя трудности переносила очень стойко, с большим самообладанием. «Ох, и бойкая была», – вспоминали родственники. Был случай в голодное военное время. Хлеб получали в Невьянске, в очереди за ним стояли не один час, ещё можно было ни с чем остаться. Как-то здоровенный бородатый мужик полез в очередь, всех расталкивая. Что женщины могли сделать? Мать вынула из складок одежды здоровую штопальную иглу и хорошенько ткнула грубияна. От боли и неожиданности мужик из очереди выскочил, обратно его уже не пустили, и долго ещё кричал, что запомнил обидчицу, и подкараулит, когда та в посёлок пойдёт. На что мама пообещала: «Давай, давай! Я тебя, гада, сама подкараулю! У меня ещё кой-чего припасено!».

Нас постоянно преследовало чувство голода.

У меня был дневник, сшитый из бумажного мешка для цемента, где я записывал всё, что чувствовал и видел. Дневник сохранился и попал в руки моих дочерей. Они посмеивались, читая его: «Что-то ты, папа, только о еде писал!». Пришлось рассказать им, в каких трудных условиях жил наш народ во время Великой Отечественной войны. Нередки были случаи, когда человек, утративший свою хлебную карточку, решался на самоубийство. Булка хлеба на базаре достигала стоимости 600-800 рублей. Рабочий, трудившийся по 12 часов в сутки, получал заработную плату, на которую можно было купить всего две булки хлеба. Качество хлеба было отвратительное, в него постоянно добавлялись непригодные для пищи

На войне, как на войне

«Тяжело в учении...»

И вот, наконец, я получаю повестку явиться на призывной пункт города Невьянска. Мне уже исполнилось семнадцать лет и пора вставать в ряды защитников своего Отечества. В сопровождении мамы и сестры Раи прибываю на сборный пункт. После короткой переключки нас строем повели на вокзал станции Невьянск, где разместили по теплушкам. Утром мы были на сборном пункте в Нижнем Тагиле, куда стали поступать призывники из северных районов области. Снова теплушки и, через сутки, высадка на станции Юг, что в сорока километрах от города Перми. Постоянным местом нашей дислокации стал учебный лагерь Бершеть, там нам предстояло проходить обучение. Нас разместили в огромных землянках, служивших ранее овощехранилищем. Здесь не было электрического освещения и отопления. Спали мы на голых нарах вповалку. Никакого постельного белья не имелось. Нары были трёхъярусные, а поэтому в проходах между ними было очень тесно. При команде «Подъём!» люди прыгали друг на друга. В каждой такой казарме ютилось около трёхсот человек. Освещались казармы при помощи своеобразных керосинок, изготовленных из артиллерийских гильз. По утрам мы, укрывшись шинелями, старались незаметно натянуть на себя ватные штаны, чтобы при подъёме как можно скорее выбежать на улицу, так как всех опоздавших записывали, и заставляли ночами убирать снег у казармы.

Ночью, после прибытия и получения своего места в казарме, у меня сильно прихватило живот. Я выскочил на улицу, когда туалет искать уже было некогда, и осмотрелся в поисках подходящего места. Подходящим мне показался «сарайчик», рядом с которым простиралось огромное поле. Тут я и присел... Светила яркая луна, и ничто не предвещало беды. Внезапно из-за сарая вышла группа вооружённых солдат. Увидев меня, они стали кричать: «Стой!». Быстро поддёргнув штаны, я задал такого стрекача, что сумел оторваться от преследователей. Пулей влетев в казарму, я прыгнул на своё место на нарах и притворился спящим.

Вскоре прибежали мои преследователи и стали требовать от дневального, сдать им того солдата, который только что вбежал в помещение. Однако дневальный ничего путного сказать им не мог, мы ещё не знали друг друга, а отыскать незнакомого человека среди трёх сотен спящих вповалку не представлялось возможным. Из возмущённых разговоров я узнал, что сел справлять нужду прямо перед трибуной, приняв её за сарай, а плац для построений – за поле! Более страшного святотатства я и представить себе не мог и очень боялся, что если меня разоблачат, то расстреляют.

Нашими командирами отделений были сержанты, которые начали службу в довоенное время. Избегая отправки на фронт, они особенно усердствовали в нашем воспитании и обучении. Из нас готовили командиров пулемётных расчётов. В казармах мы постоянно изучали устройство станковых пулемётов «Дегтярёв» и «Максим».

Раз в десять дней нас водили в баню, по углам которой висели сосульки. Для умывания давался тазик горячей воды и крохотный кусочек мыла. Поэтому все банные процедуры занимали всего несколько минут. После первой такой «парилки» нам выдали новые бушлаты, шапки-ушанки, американские ботинки огромных размеров, портянки и обмотки. Дали нам также погоны и петлицы, приказав подготовиться к построению. Петлицы к бушлату я пришил поперёк воротника, а шнурки ботинок и обмотки, для пущей красоты, завязал бантиками.

Когда рассвело, нас вывели из казармы на построение, и каждого солдата лично осматривал командир батальона. Настала моя очередь. Высокий начальник, оглядев меня, вдруг заорал на командира отделения: «Это что тут у вас за мокрая курица?». Испуганный сержант только моргал. Нам дали десять минут, за которые сержант должен был привести меня в надлежащий порядок и предоставить на осмотр командиру отделения. Получив приказ, мы бегом побежали в казарму. По пути сержант дважды наградил меня подзатыльником, в ответ я пообещал пожаловаться командиру батальона, сержант сразу сделался по-отцовски любезным и заботливым, лично перешил мои петлицы, перемотал обмотки и убрал бантики на ботинках.

От берегов Эльбы до берегов Каспия

В Туркмении

Осенью 1952 года меня пригласили в отдел кадров бригады, сообщили, что на моё место приезжает замена, а мне предложили выбор места будущей службы на территории нашей страны. В числе нескольких пунктов, где я мог продолжить службу, значился Красноводск. И здесь меня жестоко подвело плохое знание географии страны. Вспоминая названия Кисловодск, Железноводск, я решил, что Красноводск – город курортный, и выбрал его.

Документы оформили быстро, и я отправился к месту новой службы. Первым делом прибыл в отдел кадров 42-й воздушной армии ПВО в Баку, там кадровики ознакомились с моим личным делом, полюбовавшись на мои взыскания, нашли, что в таких специалистах они не нуждаются, и отправили дальше, в Красноводск. Там я тоже оказался ненужным, но был даже рад этому, Красноводск оказался такой «дырой», какую я не мог и представить. Город со всех сторон окружали выжженные солнцем горы, в самом городе тогда не было не единого деревца, а питьевая вода доставлялась из Баку, с которым туркменский город связывала паромная переправа. Меня же, для продолжения службы, направили в Кизыл-Арват, это в нескольких сотнях километров на восток от Красноводска, в пустыне Кара-Кумы. Вот такой курорт!

В Кизыл-Арват я прибыл ночью. На железнодорожной станции я спросил у прохожего, как добраться до центра. И пошёл по указанной улице с маленькими домиками, окружёнными тутовыми деревьями. Это радовало, раз есть деревья, значит, в отличие от Красноводска, есть и вода! Так я прошагал около километра и упёрся в гору. Там я встретил ещё прохожего и от него узнал, что центр города уже прошёл. Только к утру я нашёл часть, где мне предстояло продолжать службу. Сразу меня поместили в каптёрке, спать там пришлось на кипе грязных матрасов, позже выделили комнату.

Я был назначен на должность командира взвода охраны. Среди моих подчинённых были азербайджанцы, армяне, грузины, татары, русские и украинцы. Весь мой «интер-

национал» состоял из 45 человек солдат и сержантов. Мы занимались охраной объектов военно-воздушной базы. Для меня служба в этом забытом богом крае имела свои радости. Здесь я имел возможность изучать интересную природу сухих субтропиков, животный и растительный мир пустыни.

Вскоре я был переведён на должность заместителя командира автомобильной роты по технической части. В роте насчитывалось около 120 технических единиц. Это автомобили-буксировщики самолётов, стартеры, бензозаправщики и керосинозаправщики, а также другая вспомогательная техника. Работать приходилось в сложных условиях пустыни. Это был период «холодной» войны, которая всегда могла превратиться в «горячую». Наша база обслуживала два полка истребительной авиации ПВО страны. Полёты проходили почти круглосуточно. И здесь у меня произошёл очень серьёзный конфликт с командиром нашей части полковником Черняком.

Однажды меня вызвал к себе заместитель командира части по техническим вопросам, и дал прочитать Приказ Министра обороны по вопросу списания находящихся на вооружении части американских автомобилей «Студебекер», «Шевроле» и «Додж $\frac{3}{4}$ ». Согласно приказу, все эти автомобили, имеющие пробег свыше 100 тысяч километров, надлежало списать с последующей передачей в народное хозяйство страны. Я пояснил, что машин с таким пробегом у нас нет. Все наши автомобили имеют пробег, не превышающий 10 тысяч километров. Мне велели в паспортах на эти автомобили искусственно записать недостающий для списания пробег, то есть фальсифицировать техническую документацию. Это было неприемлемо! Я заявил, что приказ командира части выполняю, но сразу же обжалую на имя старшего начальника. Подделал я документы специально так, чтобы это сразу было видно, и тут же написал жалобу на имя командира дивизии в Красноводске. Вскоре мне пришёл вызов, явиться на беседу к начальству. В Красноводске меня пригласил к себе начальник политотдела дивизии. Убедившись, что жалоба написана мною, полковник недовольно заявил: «Если все младшие офицеры начнут писать такие жалобы, то у меня не хватит времени их рассматривать». Я вежливо предложил полковнику

передать его должность тому человеку, который справится со всеми жалобами. Изменившись в лице, полковник вызвал коменданта штаба и приказал ему немедленно написать мне документы на возвращение к месту службы. Такое отношение дало мне повод написать жалобу на имя командующего 42-й воздушной армии в Баку. Вскоре в Кизыл-Арват прибыла комиссия из четырёх старших офицеров штаба для рассмотрения моей жалобы. Они ознакомились с ситуацией и, конечно же, признали факты подделки документов доказанными. Меня заверили, что командир, вынуждавший нарушать закон, будет наказан. Я почувствовал себя победителем в конфликте. Но дальше всё пошло, как в плохом шпионском романе. Члены комиссии ужинают в офицерской столовой и случайно оставляют там на столе документ с грифом «Совершенно секретно». Документ в тот же вечер сослуживцы передают мне. Оказалось, это акт проверки указанных мною злоупотреблений, в нём утверждалось, что никаких злоупотреблений комиссия не обнаружила, и что жалобу я написал в результате неприязненных отношений к командиру части. Я был в шоке! Конечно же, члены комиссии, узнав, что их секретный документ оказался в моих руках, всполошились. А мне это дало возможность снова обратиться к командующему армии по поводу такого поведения комиссии. Вскоре командующий вызвал к себе в штаб меня и командира части. В Баку мы ехали с Черняком в одном вагоне, а потом ещё и на теплоходе через Каспий. По прибытии в штаб армии первым на приём к командующему попал Черняк. Не прошло и пяти минут, как полковник выбежал из кабинета, сильно покрасневший, метнул в мою сторону угрожающий взгляд и вышел на улицу. Вскоре на приём пригласили меня. Я ожидал, что мне тоже несдобровать, и был настроен очень решительно. К моему удивлению генерал-полковник предложил мне сесть и, чуть помолчав, сказал: «Я сейчас неплохо «пропарил» вашего командира части за то, что он не взял на себя труд объяснить вам, в чём дело. Приказ о подделке документов на списание автотранспорта отдал я. Я исходил из того, что пора заменять американский транспорт отечественным. Вы можете написать жалобу самому министру, и я получу выговор, но я отдавал такой приказ в интересах нашей армии.

Вы честный и принципиальный человек, лейтенант, и вам, как я вижу, в жизни придётся нелегко». Я пояснил, что всё хорошо понял и продолжать писать жалобы не буду. Командующий пообещал наказать офицеров, написавших фальшивый акт, да ещё и потерявших его. Для Черняка, после этой истории, я стал врагом номер один, и в дальнейшем нам ещё пришлось столкнуться. А вот со словами генерал-полковника о том, что честному и принципиальному человеку жить тяжело, я не соглашусь. Тяжело жить тому, кто не может выразить и отстоять свои позиции. Да и правду говорить всегда легче, чем лгать и хитрить.

А пока я продолжал служить в Туркмении, а заодно учился любить и понимать удивительную природу пустыни. Всё здесь было необычно. Недаром этот край называют страной, где реки без стока, озёра без воды, цветы без запаха. Пустыня прекрасна в период цветения тюльпанов и маков, когда горные долины издали кажутся покрытыми кумачом, когда повсюду ползают черепахи и поют жаворонки, а в небе парят орлы, когда к северу, во всё небо, летят огромные стаи самых различных птиц. В это время я использовал каждую свободную минуту, чтобы побывать на природе. Вот только период весеннего цветения здесь очень короток. Уже в мае отцветает эфемерная растительность и начинается засуха. Южные ветры несут со стороны Ирана и Афганистана мелкую лёссовую пыль, которая оседает повсюду. Растрескивается глинистая поверхность такыров и становится похожей на выложенную плиткой площадку, а по огромным просторам пустыни гуляют столбы смерчей. Жизнь замирает. Прячутся в землю черепахи и зелёные жабы. Спасаясь от раскалённого солнца, всё светлое время суток сидят в норах дикобразы, суслики и песчанки, ящерицы и змеи, лисы и зайцы-толаи. Да и птицы стремятся забраться в норы и колодцы. Дикие скальные голуби даже гнёзда строят в вертикальных колодцах-кяризах, находя в них подходящие уступы. В колодцах же прячутся и некоторые виды воробьёв. Редкие деревца саксаула, не дают тени, их листья, для сбережения влаги, имеют форму чешуек. Верблюжья колючка вместо листьев отрастила зелёные шипы. Чтобы добыть воду эти растения отрастили корни, уходящие в почву на десять и более метров.

И только там, где вода выходит на поверхность, природа оживает. Даже самые крохотные источники влаги привлекают к себе многих жителей пустыни. Сюда прилетают на водопой стайки рябков, горных и пустынных куропаток, голубей и других птиц. Прибегают к источнику куланы и антилопы-джейраны. И только поздней ночью, когда спадает жара, пустыня вновь оживает. Появляются прилетевшие с севера дрофы и стрепеты, летят огромные стаи чернобрюхих и белобрюхих рябков, транзитом проходят стаи уток, куликов, журавлей и гусей. Мне приходилось стрелять диких уток во дворе дома, где у водопроводной колонки была небольшая лужа воды. Пролётные утки обнаруживали её и садились, чтобы пополнить запас жидкости в организме. Самым добычливым местом охоты на уток был открытый купальный бассейн, окружённый глиняными дувалами. Во время массовой миграции водоплавающей дичи, здесь постоянно сидели охотники. Зимой, когда в предгорьях Копетдага оживали пересохшие летом ручьи и речушки, здесь поселялись стайки чирков, крякв и широконосок. А сколько впечатлений оставалось от зимних поездок на южный берег Каспийского моря! Там скапливалось несметное количество зимующей водоплавающей птицы. Повсюду сидели на воде стайки лебедей, чёрными островками выделялись стаи лысух и серых уток, бродили по мелководью фламинго и цапли. Вдоль берега проносились табунки различных куликов. Это было настоящее Пернатое Царство!

Меня привлекало всё живое, и моя кизыларватская квартира была полна живности. В стеклянных банках «отбывали свой срок» пауки фаланги и скорпионы. Под печкой жил ушастый ёж, ползали степные черепахи, ворковал скальный голубь. Но в Туркмении были и опасные приключения. Из-за своей неопытности и авантюрного склада характера я дважды чуть не погиб. Все мои знакомые расценивали моё спасение, как чудо, я же продолжал объяснять это чистой случайностью.*

* Более подробно о своём пребывании в Туркмении автор написал в очерке «Под небом Туркмении». См.: А. Пискунов. Где рождаются облака. – Верхний Тагил, 2017 г. (ред.)

У самого Чёрного моря

После нескольких лет пребывания в Моршанске наши курсы усовершенствования лётчиков-перехватчиков перебазировали в Евпаторию, где погодные условия были значительно лучше, чем в центральной России. При расставании моя хозяйка всплакнула, словно теряла не квартиранта, а родственника. Я обещал поддерживать с нею связь, но вскоре узнал, что она умерла. Мне было очень жаль эту приветливую старушку с интересной и нелёгкой судьбой.

После патриархального Моршанска Евпатория встретила нас толпами отдыхающего люда, очередями в столовых и «лежбищами» загорающих на пляжах. Здесь был свой, ускоренный ритм жизни. Конечно, море интересовало меня не превосходными пляжами, а своими обитателями. Я видел здесь дельфинов, травяных и песчаных крабов, собирал ракушки и отполированные морем камешки, стремясь как можно больше узнать об истории и природе Крыма. Я часто посещал краеведческие музеи Евпатории и Симферополя, видел много уникальных экспонатов. По берегам лиманов, окружающих город, я охотился на зимующих и пролетающих птиц. Всё здесь было интересно и необычно.

Узнав о моём новом месте жительства, моя супруга решила восстановить семейные отношения. Я дал согласие, и вскоре она приехала вместе с дочерью. Жили мы на частной квартире. Через пару месяцев жена устроилась на работу в должности помощника прокурора Евпатории. Казалось бы, семейные отношения наладились. В свободные дни я водил дочку на берег моря, где мы собирали камешки и купались. Это было счастливое время. Командование нашей части, мотивируя тем, что я являюсь мужем прокурорши, своим приказом назначило меня дознавателем части, рассчитывая, что жена поможет мне справиться с возникающими при этом юридическими вопросами. Если в части случались воинские преступления, я освобождался от основной работы и вёл уголовные дела под руководством прокурора гарнизона. Мне удалось довольно успешно провести несколько таких дознаний. Конечно, жена помогала мне в процессуальных вопросах. Всё было хорошо, вот только тоска по лесам не отпускала.

Охота и море давали мне возможность общения с живой природой, но этого было явно недостаточно, город окружали одни виноградники. Я старался больше внимания уделять семье, но здесь меня вскоре ждало большое несчастье. Случайно в мои руки попала переписка моей жены с человеком, с которым она состояла в любовной связи, когда жила на Дальнем Востоке. Это был народный судья Мазановского района Амурской области, человек женатый и имеющий детей. Как я понял, они действительно любили друг друга, и только вмешательство партийных органов заставило судью вернуться к семье, а моя жена уехала в Евпаторию. Так как их связь продолжалась, я подал на развод и написал рапорт о переводе в другой город. Мне предложили Сибирь, и я сразу согласился, чем вызвал удивление работников отдела кадров. Имущества у нас, кроме хорошей библиотеки, не было, вопрос о его разделе не стоял, поэтому, оставив весь свой скраб, я направился к новому месту службы.

В Сибири

Прибыв в штаб Западно-Сибирского округа ПВО, я получил назначение на должность начальника авторемонтных мастерских в Ленинске-Кузнецком. В моём подчинении оказались около пятидесяти человек ремонтников, а техническое оснащение мастерской позволяло проводить даже капитальный ремонт автомобилей. Никаких особых сложностей в работе у меня не возникало.

Город Ленинск-Кузнецкий расположился в долине реки Иня, впадающей в Обь. Население города было в основном занято работой на каменноугольных шахтах. Вокруг, кроме небольших берёзовых колков, никакой древесной растительности не было. Типичная степь Южной Сибири. Интересно отметить, что в общежитии я жил с лётчиками, которые огнём штурмовиков оказали нам поддержку во время сражения с японцами при Таоэрхэ. Служба шла размеренно. Иногда удавалось вырваться на охоту за утками. В Ленинске я часто посещал краеведческий музей, подружился с директором этого музея. Внимательно изучал экспонаты отдела природы, местную флору и фауну. Там же я познакомился

с сотрудниками Сибирского Научного Центра, общение с ними тоже обогатило мои познания.

Как-то весной мы с приятелями выбрались на рыбалку в верховья реки Косьма. Местность эта называется Салаирский Кряж, где я был очарован красотой и разнообразием природы. Горы покрывала темнохвойная тайга южно-сибирского типа, на полянах цвели пионы и низкорослые ирисы, пели дрозды, куковали кукушки. Всё это произвело на меня такое неизгладимое впечатление, что, получив в начале августа отпуск, я решил провести его в горах на берегу Косьмы. Я так ждал этого отпуска и эмоционально описывал красоты будущего путешествия, что со мной запросилась наша молоденькая телеграфистка Валентина Бояркина. Девушка мне нравилась, и вот, с согласия её родителей, мы запаслись провиантом и на автобусе выехали в село Красное, что находится прямо на берегу Косьмы, а оттуда пешком направились в горы. Но там выяснилось, что Валентина в лесу оказалась впервые в жизни и страшно всего боялась, это меня смешило и раздражало. Ей всюду мерещились медведи и волки. Несмотря на то, что здесь было обилие разных ягод, она чувствовала себя очень неуютно, и нам пришлось через несколько дней прервать путешествие и вернуться домой.

Весной 1960 года, в результате сокращения вооружённых сил, наша дивизия была расформирована. В течение лета нас приписали к одной из ракетных частей. Шло массовое увольнение офицерского состава в запас. Рапорт об увольнении подал и я. Однако молодых, имеющих боевой опыт офицеров всячески удерживали. Но на все предложения продолжить службу, я отвечал отказом, и осенью 1960 года я был уволен в запас с выездом в город Верхний Тагил, где в это время жили мои родители.

Саша Пискунов, 1928-1929 гг.

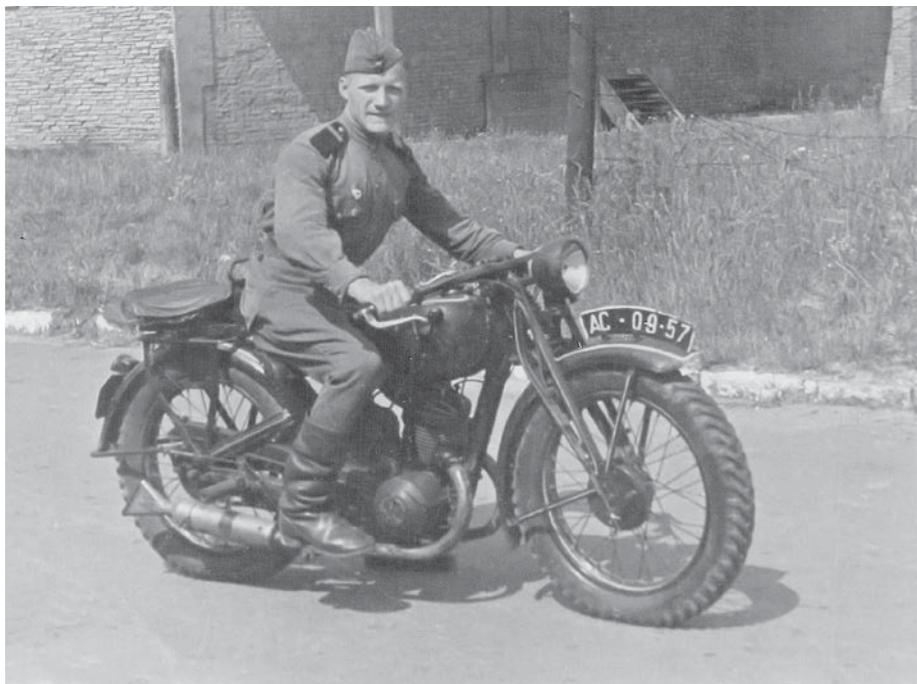
Александр Пискунов, 1944-1945 гг.

Пискуновы Николай Алексеевич и Анна Николаевна с дочерью Риммой

На курсах механиков в Таухе (Германия), 1947-48 гг.

Верхний Тагил

На страже общественного порядка

Надо сказать, что к моменту увольнения в запас, я уже состоял в гражданском браке с Бояркиной Валентиной, и это был недолгий союз, но той осенью в Тагил мы приехали вместе. Тут же встал вопрос о моём трудоустройстве. В это время в Верхнем Тагиле уже заканчивалось строительство седьмого блока ВТГРЭС. Мне предложили работу водителя грузового автомобиля, но я отказался, за время службы мне автомобили порядком надоели, и вскоре был принят на должность монтажника на участке «Центрэлектросетьстрой». Организация со столь длинным названием выполняла подряды по монтажу электрооборудования станции. Мне нравилась работа монтажника, но нас слишком часто направляли в командировки на строительство других электростанций, а я уже наездился. Да я и город-то выбирал для проживания из-за красивой природы, гор, прудов. Здесь были замечательные охота и рыбалка! Ещё большим минусом новой работы было пьянство, процветавшее в бригадах. Бывало, выпивки проходили на рабочем месте, потом приходилось задерживаться, чтобы закончить наряд. Начальство смотрело на это сквозь пальцы, лишь бы выполнялся план, план же мы выполняли и перевыполняли.

В период строительства Верхнетагильской ГРЭС численность населения рабочего посёлка превышала двадцать две тысячи человек. В основном, это были строители и монтажники. Люди жили в бараках и вагончиках. Такое скопление «пролетариев», из которых было немало судимых, способствовало разгулу преступности. Драки, грабежи и даже убийства были здесь нормой. А вот правоохранительные органы состояли из одного участкового, инспектора милиции, инспектора уголовного розыска, начальника отделения милиции и паспортистики. Конечно, такими силами справиться с ростом преступности было невозможно. И вот, Кировградский Городской комитет КПСС направил меня на работу по укреплению милиции. Я был вправе отказаться, но счёл своим долгом выполнить решение Горкома. Хотя, будучи долго оторванным от граж-

данской жизни, я мало знал, что представляет собой этот правоохранительный орган, но был убеждён, раз в милиции носят погоны, то и дисциплина должна быть как в армии, и даже не поинтересовался о заработной плате. В это время участковый инспектор Верхнетагильского поселкового отделения милиции Пьянков был уволен за пьянство, и я занял его должность. Кроме Верхнего Тагила я должен был осуществлять контроль над рабочим посёлком Белоречка, где тогда действовала шахта, и над начинающимся создаваться посёлком Половинный. С первых же дней пришлось столкнуться как с массой различных правонарушений и преступлений, так и с несовершенством милицейской структуры.

Одной из наиболее важных проблем в работе милиции было отсутствие транспортных средств, и это серьёзно отражалось на её мобильности. В Верхнетагильском городском отделении милиции имелась всего одна старая грузовая машина марки ГАЗ-51, которая постоянно простаивала из-за отсутствия запасных частей. Что же было причиной столь бедственного положения? А всё объяснялось тем, что первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв крайне негативно относился к этому государственному органу. Он не раз заявлял, что эту структуру, вообще, пора ликвидировать и заменить народными дружинами, так как преступность в нашей стране в самое ближайшее время будет полностью искоренена и надобность в милиции отпадёт. Он был уверен, что нынешнее поколение будет жить при коммунизме. Поэтому милиция финансировалась по остаточному принципу, и должность сотрудника милиции не считалась престижной. Здесь была самая низкая заработная плата, должностной оклад милиционера составлял 85 рублей, тогда как технички на промышленных предприятиях получали по 80 рублей. Работать в милицию шли либо патриоты, избравшие своей целью и смыслом жизни борьбу с преступностью, либо люди, жаждущие власти и рассчитывающие на материальные дивиденды. Последние, поработав и поняв, что выгоды не дождутся, либо увольнялись, либо изгонялись за нарушения законов. Была ещё одна категория претендентов – это молодые парни из колхозов, отслужившие в армии и мечтающие осесть в городе. Паспорта у них оставались по месту

жительства, и это обязывало их вернуться в родной колхоз. В нарушение существующего порядка, мы выдавали им паспорта, при условии, что они пополнят наши ряды. Ребята же, чаще всего, поработав несколько месяцев, уходили на промышленные предприятия. Постоянная смена кадров тоже негативно отражалась на работе милиции. Нам же работать приходилось по 10-12 часов в сутки, без выходных, а на происшествия бегать пешком, (напоминаю, это были ещё и Белоречка с Половинным), или использовать попутный транспорт. Смешно вспоминать, но тогда мы тоже наивно верили, что сможем одолеть преступность и ликвидировать порождающие её причины.

Уже обладая опытом ведения уголовных дел и расследований, я активно включился в борьбу с правонарушениями. Понимая, что без помощи общественности не обойтись, тут Хрущёв Н. С. был прав, я стал создавать народную дружину и формировать службу общественных инспекторов. Через несколько лет работы мои дружинники и инспектора стали оказывать милиции большую помощь.

В самом начале службы запомнился такой случай. Нам поступила информация, что из мест лишения свободы сбежал осуждённый за злостное хулиганство житель посёлка Половинное. А тут как раз дела были в посёлке, и я решил заодно проверить место жительства сбежавшего. Вызвав с работы супругу рецидивиста, она, конечно же, уверяла, что муж дома не появлялся, я спросил разрешения осмотреть квартиру. Женщина жила недалеко в коттедже, мы быстро дошли, она открыла ключом дверь. Дом был пуст, тихо, вот только половик на крышке погреба оказался сдвинут. Я попросил открыть люк, хозяйка пояснила, что в погребе перегорела лампочка, и там темно. Я всё же решил спуститься, а погреба в этих домах очень глубокие, и уже внизу почувствовал позади себя какой-то шорох, обернувшись, увидел занесённый над своей головой топор. Но, подняв топор, преступник не решился ударить меня. Я спокойно взял из его рук топор и, предложив следовать за мной, стал выбираться из подполья. Уже на улице, убедившись, что я один, мой бандит разразился нецензурной бранью, он был уверен, что я не один, поэтому не пошёл на крайний шаг.

Так как машины в моём распоряжении не было, я объявил задержанному, что мы «прогуляемся» до Верхнетагильского отделения через лес. Мой бандит испугался, что его сейчас застрелят при «попытке к бегству». Я успокоил задержанного, пообещал ему, что даже если такая попытка будет, я стрелять не стану. Честно говоря, я был уверен, что догоню его. По лесу мы шли, дружески беседуя, и я пообещал не указывать в рапорте о попытке нападения.

А вот в другой раз пьяный хулиган набросился на меня с топором, угрожая разрубить на куски, того я остановил выстрелом вверх. От звука выстрела хулиган бросил топор, и убежал быстрее, чем бежал ко мне. Наутро он протрезвел и пришёл ко мне домой просить прощения. Но, так как событию предшествовала уже череда хулиганских выходок, пришлось привлечь этого человека к уголовной ответственности.

В отличие от других работников милиции Кировградского ОВД, я ещё вёл непримиримую борьбу с браконьерами. При этом приходилось не раз задерживать вооружённых ружьями нарушителей. Как-то весной на берегу Вогульского пруда я встретил идущего с ружьём браконьера. Охотник побежал от меня, я за ним... Отбежав, нарушитель затаился где-то в кустах. Разыскивая его, я услышал выстрел и свист дроби над головой. Вскоре прогремели ещё два выстрела, и по звуку было понятно, что стреляли в противоположную от меня сторону. Значит, стрельба ведётся наугад! Двигаясь осторожно на звуки выстрелов, я увидел стоящего среди кустов человека и как тот, подняв ружьё, пальнул по кустам дуплетом. Пока преступник пытался перезарядить ружьё, я сбил его с ног и отнял оружие. И, к своему удивлению, увидел, что это совсем не тот человек, кого я преследовал. Задержанный был сильно пьян, и пояснил, что пошёл в лес просто пострелять. О том, что эти выстрелы могут представлять опасность, он и не думал. Я доставил нарушителя в отделение милиции, а оружие передал нашему начальнику. Позже, с большим сожалением, узнал, что наш начальник хорошо знал нарушителя, поэтому отпустил его и вернул ружьё без какого-либо наказания. И вскоре незадачливый стрелок, опять будучи пьяным, всадил из этого ружья заряд дроби себе в грудь.

В должности дежурного помощника начальника Кировградского ОВД

В должности лесника. У избушки в 84 квартале Висимского заповедника

Защищая
родную природу

Вопросами экологии я стал серьёзно заниматься с 1965 года. В это время окрестные леса и водоёмы сильно страдали от неумеренного браконьерства, наносящего невосполнимый ущерб животному миру. Необходимо было принимать меры по борьбе с этим злом. Надо сказать, что в стране тогда шло мощное общественное движение в защиту природы. Создавались народные дружины по охране природы. Стало функционировать Общество охраны природы. Это движение было особенно заметно среди студенчества.

Вскоре после того, как было заполнено водою ложе Вогульского водохранилища, там появилось очень много рыбы. В период нереста вода у его берегов буквально «кипела» от обилия нерестящегося ельца и щуки. Особенно много ельца скапливалось по ночам в устье реки Вогулка. Такого обилия рыбы мне никогда раньше видеть не приходилось. Рыба буквально заполняла всё русло. Даже с помощью карманного фонаря увидеть дна речушки было невозможно. Всё заполняла рыба. Опустив в воду ладонь, можно было выхватывать из воды крупных, с добрую селёдку, ельцов. С помощью небольшого сачка можно было за короткое время наловить несколько десятков килограммов рыбы. Конечно, устье Вогулки привлекало большое количество браконьеров. Поэтому, в такое время я стал часто наведываться сюда. При моём приближении браконьеры спешили спрятаться в лесу. Однажды, с помощью одного дружинника, мне удалось изъять несколько сетей и более пятидесяти кг. рыбы. Хозяином сетей оказался очень уважаемый в Верхнем Тагиле человек, член бюро Кировградского городского комитета КПСС. По акту браконьерства мною было сделано сообщение в горком. За совершённый поступок этот гражданин был выведен из состава бюро Горкома партии. Сети я уничтожил, а рыбу передал в детские сады. За короткое время мне удалось изъять множество сетей у браконьеров. Среди задержанных оказались и мои коллеги – сотрудники Кировградского ОВД. В мой адрес стали поступать угрозы расправой, на которые я не обращал никакого внимания. Тогда же мне удалось изъять в лесу несколько ружей у нарушителей правил охоты.

Однажды, проходя по лесу, увидел я идущего с ружьём в руках мужчину. Так как весенняя охота была под запретом,

я решил задержать и наказать нарушителя. При моём приближении нарушитель побежал. Началась погоня. Убегая, нарушитель спрятался в кустах. Когда я искал браконьера, раздался выстрел и дробь со свистом пролетела у меня над головой.

Определив направление, откуда был произведён выстрел, я стал осторожно приближаться к месту выстрела. Вскоре прогремели ещё два выстрела. Приближаясь, я понял, что стреляющий не видит меня и стреляет наугад. Вскоре я увидел стоящего с ружьём человека, который заряжал ружьё. Повернувшись ко мне спиной, он снова разрядил ружьё по кустам. В этот момент я сбил его с ног и разоружил. К моему удивлению, задержанный был не тем человеком, за которым я гнался. Стрелявший был в сильной степени опьянения и своё поведение объяснял тем, что просто хотелось пострелять. К сожалению, руководство ОВД вернуло задержанному ружьё, из которого вскоре было совершено самоубийство. Впрочем, браконьеры не раз предлагали мне заключить с ними любовный союз, согласно которому они обещали мне рыбу и мясо, а я – невмешательство в их деятельность. Конечно, ни о каком союзе не могло быть и речи. Однажды в начале мая я встретил в лесу молодого человека с гончей собакой. Я предупредил его о том, что появляться с охотничьей собакой в лесу в это время нельзя. Парень согласился, объяснив свой поступок незнанием. Я обратил внимание на его рюкзак и попросил показать его содержимое. Внезапно парень бросился бежать. Мне удалось быстро догнать его и свалить. В его рюкзаке оказалось разобранное ружьё, патроны и нож. Там же находились три убитые им зайчихи, не успевшие дать потомство.

Для борьбы с браконьерством мне удалось создать небольшую народную дружину из числа рыбаков. Я постоянно поддерживал тесную связь с Обществом охраны природы и Областным охотуправлением. Руководство Кировградского ОВД не совсем одобрительно относилось к моей охоте за браконьерами, мотивируя это тем, что борьба с браконьерством не входит в мои функциональные обязанности.

С мнением руководства я не соглашался, а так как я постоянно был отличником милиции, то упрекнуть меня в

плохой работе было нельзя. Я хорошо понимал, что пока охраной природы будут заниматься пионеры и пенсионеры, на большие успехи в этом важном государственном деле надеяться нельзя. По моему глубокому убеждению, охрана природы – прерогатива государства, и оно не может уклоняться от этой функции. По этому вопросу я неоднократно обращался с предложением в Комиссию законодательных предложений при Верховном Совете СССР и в республиканскую прессу.

Однако, все мои письма на эту тему отфутболивались в Главный штаб МВД страны, откуда в мой адрес приходили «разъяснения» о ненужности создания специализированной милиции. Упор делался на то, что с проблемами охраны природы успешно справляются народные дружины и т. д.

Было ясно, что обсуждать проблемы охраны природы наше государство не желает.

Рыбинспекция и дружинники по охране природы при благоприятных условиях и сами были не прочь использовать свое положение в корыстных целях. Как пример, можно привести следующий случай.

В один из теплых майских дней ко мне обратились дружинники из Верхнетагильского общества охотников и рыболовов, которые сообщили, что на Вогульском пруду начался нерест леща, и что они собираются организовать рейд по охране рыбных запасов. Однако, такая активность вызвала у меня подозрение. Похвалив «защитников» за инициативу, я с наступлением ночи, взяв с собою одного милиционера, направился к месту патрулирования дружины. «Защитников» природы удалось задержать с поличным. Перед этим мы долгое время наблюдали за их поведением. А когда они сняли сети – задержали. Случалось, что таким же образом действовали и сотрудники милиции. Однажды в нерестовый период к В-Тагильскому городскому отделению милиции подкатила легковая машина, в салоне которой сидели трое незнакомых, одетых по-походному, мужчин и один из ответственных сотрудников Кировградского ОВД. Ответственный сотрудник пояснил, что он с сотрудниками областной Рыбинспекции намерен провести рейд по охране рыбных запасов в акватории Вогульского пруда. Мне и моим дружинникам он предложил в это время организовать рейд

Жертва «конфликта интересов»

С питомцем Журкой.
Фото Ю. Богатырёва

В центре – В. Андриянов, директор
Верхнетагильского рыбного хозяйства

Последний состав Совета народных депутатов г. Верхний Тагил, 1991 г.

Члены Уральского орнитологического общества, декабрь 1999 г.

Сидят (слева направо): А. Н. Пискунов, Л. С. Богоявленский, М. И. Брауде, Т. А. Сулова, И. Б. Лашук, С. Г. Гладких с супругой, И. Ф. Вурдова.
Стоят: В. А. Коровин, А. А. Первушин, С. В. Родионов, Л. О. Петров, Н. С. Алексеева, Г. В. Бойко, Г. Н. Бачурин, К. В. Граждан, Л. Н. Добринский, А. А. Соколов, С. Б. Куклин, В. В. Тарасов, В. Н. Рыжановский, В. К. Рябицев.

Орепки и
статом

Царь-гриб

Когда я бываю на грибной охоте, то в памяти всплывает случай из далёкого детства. Были мы тогда с отцом на покосе, что в пятнадцати километрах к северу от Невьянска. Отец, как обычно, заготовливал сено, а я гонялся за бабочками, воевал с осами, ловил кузнечиков и собирал ягоды.

Это были самые счастливые годы моего детства.

Однажды, заглянув под раскидистый ивовый куст, обнаружил там белый гриб сказочно большого размера. Гриб имел полуметровую высоту с диаметром ножки около десяти сантиметров. Рядом красовался ещё один такой же красавец, но значительно меньших размеров. Сначала я долго любовался находкой, не веря своим глазам, а потом поднял крик, на который незамедлительно прибежал отец.

Огромные размеры гриба вызвали у него удивление.

– Сколько живу, отродясь не видел такого большого гриба, – сказал отец.

– Знать-то, Санька, подфартило тебе найти царь-гриб! – не скрывал радости мой отец.

Удивило нас также и то, что оба гриба были чистые: не было на них ни одной червоточинки. Только при изломе нижняя часть грибных ножек имела синий цвет и легко крошилась. По этой причине большую часть ножек отец забраковал. Зато из шляпок мы сварили грибницу, которой хватило и нам, и нашим соседям по покосу. Ведь найденный мною гриб весил около килограмма.

Та находка произвела на меня неизгладимое впечатление. Иногда снилась мне по ночам. Однажды я увидел во сне гриб огромного размера, под шляпкой которого я прятался от дождя. Потом приснился мне Гулливер, который сорвал гриб и оставил меня без укрытия. От страха я тут же проснулся.

...Много лесных троп я прошёл за свою жизнь. Много видел самых разных грибов. Но ничего подобного больше никогда не попадалось...

Я часто вспоминаю тот необыкновенный гриб и, конечно, возглас отца, что найден, мол, царь-гриб. Мне, видно, просто повезло. Природа наградила меня, мальчика, подарком, о котором я помню всю жизнь.

И лес остался жить

С грибной охоты я возвращался почти без грибов. В лукошке сиротливо жались несколько сыроежек да одинокий подберёзовик. Из-за сильного переувлажнения почвы развитие грибных тел приостановилось. Уже на окраине города, где на одном из холмов сохранился небольшой массив паркового леса, нашёл пару ядрёных подберёзовиков и золотистую россыпь лисичек. Казалось, лес этот благодарил меня за спасение. Остановившись на опушке, я погрузился в воспоминания...

Более десяти лет назад, когда в стране была предпринята попытка решить продовольственную проблему путём развития подсобных хозяйств промышленных предприятий, эти сказочные места облюбовала для строительства свинокомплекса администрация Верхнетагильской ГРЭС. Началась вырубка и раскорчёвка лесных угодий под пашни. Естественно, что у населения, для которого лес служил местом отдыха, никто не спрашивал тогда разрешения. Тем более, что план строительства свинокомплекса утвердил городской комитет партии, а разрешение на вырубку дал Совет Министров.

Как депутат городского Совета, я решил отстаивать законные требования жителей Кировграда оставить пригородный лес в покое. К тому же, пустырей вокруг города было предостаточно. Кроме всего, было доказано, что в местах предполагаемого строительства всюду расположены выходы горных пород, что делает эти земли почти непригодными для строительства. Несмотря на всё это, вырубки продолжались.

По инициативе депутатов городской Совет принял решение сохранить этот лес как место отдыха граждан. В ответ на это администрация электростанции ускорила вырубки, направив туда специально организованные бригады рабочих. В то время я занимал должность начальника городского отделения милиции, поэтому мне не представилось большой трудностью немедленно прибыть на лесосеку и потребовать прекратить работы. Непокорным пришлось пригрозить административным арестом, после чего лесорубы незамедлительно покинули лес. Дирекция предприятия вынуждена была смириться с постановлением местного Совета. Тем более, что, как и предсказывалось, значительные участки вырубленных площадей оказались непригодными для строительства.

После публикации моей критической корреспонденции о свершённых безобразиях в областной прессе, я на каждом шагу ощущал враждебное к себе отношение со стороны непосредственного начальства и Кировградского горкома партии, что способствовало моему выходу в отставку. Уйдя на заслуженный отдых, решил посвятить свою жизнь охране природы.

Сегодня готовлю лекции на экологическую тематику, выступаю в средствах массовой информации, занимаюсь созданием и сохранением памятников природы. Жители городов Кировграда и Верхнего Тагила избрали меня, лесника Висимского госзаповедника, своим представителем в городские Советы. Истинное удовлетворение нахожу в сознании того, что делаю нужное людям дело. Я нахожу его в песнях птиц и шелесте листьев спасённых мною деревьев.

...Рядом на ветвь можжевельника присела пеночка-желтобровка, прошелестел крыльями дятел, а я всё сидел на траве, размышляя о прошлом.

А. Пискунов, председатель постоянных депутатских комиссий по охране природы Кировградского и Верхнетагильского городских Советов.

Дневниковые
записи

2001 год

01.11. Пошёл в отпуск.

04.11. Работал в музее. Провёл экскурсию туристам из Екатеринбурга. 21 чел. туристический клуб «Восход».

05.11. Водил эту группу на г. Лубная, прошли 30 км. Глубина снега 25 см. Оттепель. Прочитал им целую лекцию.

12.11. Написал статью о Б. С. Рябинине. 90 лет со дня рождения.

22.11. Пасмурная, тёплая погода. Прошёл 10 км. Отлично. Встреча с З. Паньшиной. Передал ей две статьи: «У старой сосны» и «Дроздовое дерево».

23.11. Пасмурная, ветреная погода. Снегопады нанесли снега на лыжню. Прошёл 10 км. Участвовал в презентации книги «Земля у нас одна» в школе № 8.

30.11. Морозная погода -20 гр. Вышел на работу. Провёл экскурсию с экологами и архитекторами Горного(?) округа – 30 чел. Всё прошло хорошо.

13.12. Сухая морозная погода. Вечером принимал участие в презентации книги «Демидовские гнёзда» в ДК.

19.12. Морозная солнечная погода. Продолжается ремонт музея.

20.12. Снова ремонт. Рабочие бездельничают, так как им не привезли бетон.

21.12. Снова рабочие не работают – нет бетона. ... В городе много щуров.

25.12. Утром был в музее. Идёт ремонт. ... В редакцию «Местные ведомости» отдал две статьи «Под знаком Нового года» и «Регуляторы кислотности».

28.12. Провёл две экскурсии с туристами из Новоуральска. В музее ремонт.

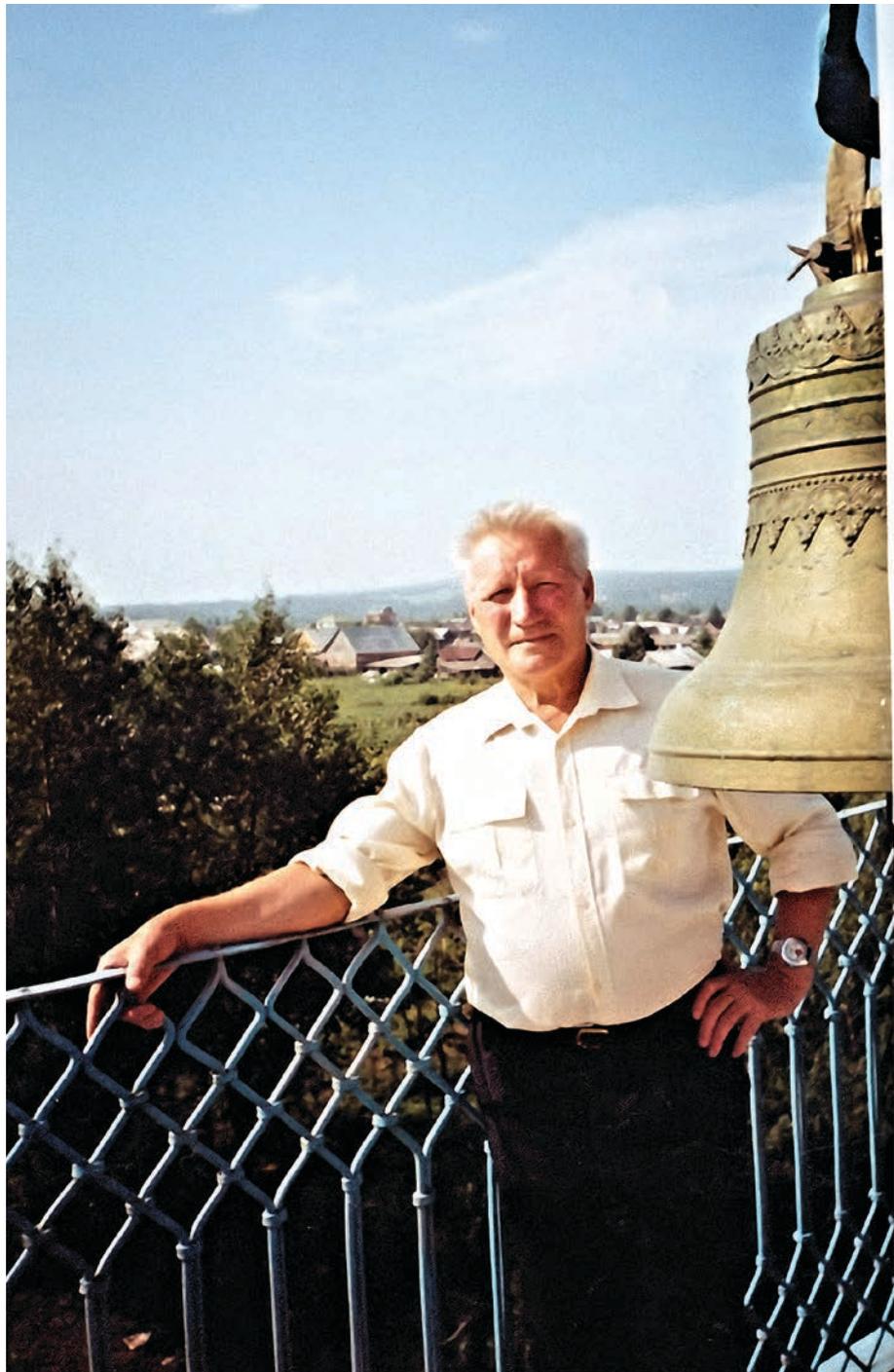
30.12. Оттепель, снег. Поэтому никуда не ходил, кроме музея, где ухаживал за животными.

Здание верхнетагильского историко-краеведческого музея. Середина 1990-х гг.

А. Пискунов и сотрудница музея Корюкова. Фото Н. Горева.

На башне здания музея

Перениска

ПИСЬМА А. Н. ПИСКУНОВУ

От Серикова Ю. Б.*

27.09.1979 г.

Н. Тагил

Уважаемый тов. Пискунов!

Ваше письмо получил только после окончания сезона.

Всё лето был в экспедиции. Вот почему пишу с таким большим опозданием.

Каждая стоянка представляет большую ценность для науки. Очень правильно, что Вы обратились к нам. Судя по описанию, на вершине г. Лубная находится жертвенное или плавильное место раннего железного века (но не неолита и бронзы). Подобные памятники известны и на вершине других гор. Было бы замечательно, если бы памятник перешёл под контроль Висимского заповедника. Что для этого нужно сделать? Сообщите, пожалуйста. Хорошо бы, если б Вы смогли переслать или передать нам в музей находки с вершины этой горы. Это позволило продатировать бы памятник.

Жду Ваших дальнейших сообщений.

* Сериков Юрий Борисович (р. 1945) — археолог, доктор исторических наук, профессор; член Координационного Совета по охране памятников археологии Свердловской области. Занимается изучением темы «Материальная и духовная культура древнего населения Урала».

*Жизнь в согласии
с природой*

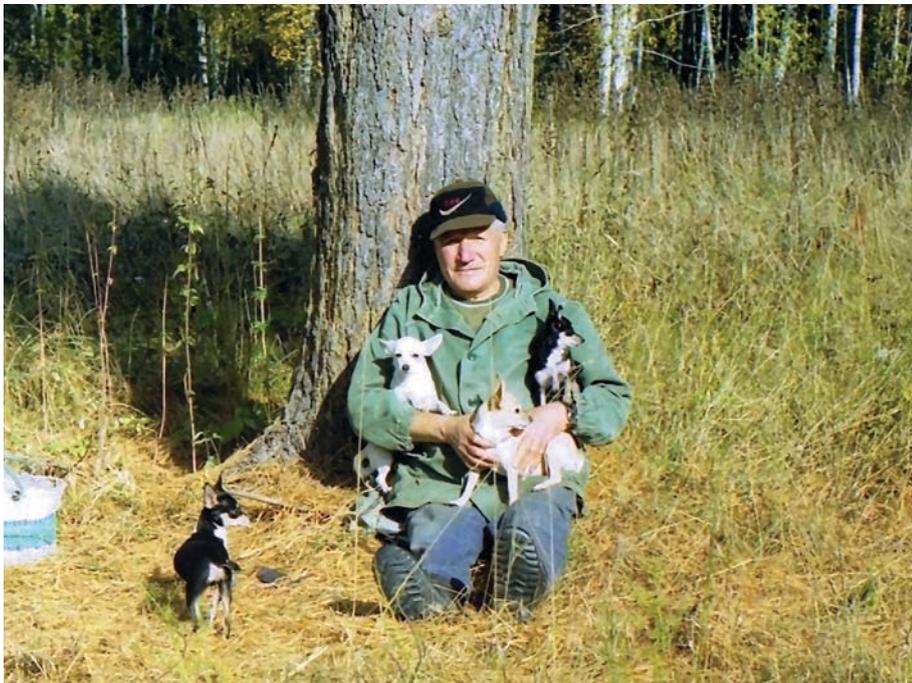
Статьи и очерки об А. Н. Пискунове

Кто есть кто

Анкета Нашей Горнозаводской Газеты от 04.01.2001 г.

Директор Верхнетагильского историко-краеведческого музея Александр Николаевич Пискунов

1. Возраст: 73 года.
2. Образование: среднее общее, среднее специальное, среднее военное.
3. Семья: жена, три дочери, четыре внука и одна внучка.
4. Послужной список: завод – 3 года, армия – 17, милиция – 22, Висимский заповедник – 10, музей – 6 лет. Непрерывный трудовой стаж – 58 лет.
5. Политическая ориентация: коммунист.
6. Домашние животные: три собачки, морская свинка, дрозд, вяхирь, зяблик и четыре попугая.
7. Отношение к религии: атеист. Отношение терпимое.
8. Ощущение, которое хотелось бы испытать: новизна познания.
9. Ощущение, которого хотелось бы избежать: ощущение ненужности своего труда.
10. Политик, которому доверяете или наиболее почитаемый политик прошлого: Зюганов.
11. Любимый праздник: Новый год.
12. Любимые блюда, спиртных напитков: пельмени, вино.
13. Любимые сигареты: не курю.
14. Какому телеканалу отдаете предпочтение: никакому.
15. Какие газеты читаете регулярно: «НГГ», «Уральский рабочий», «Областную газету», «Кировградские вести», «Эхо дня».
16. Любимый композитор, музыкальное произведение: не знаю.
17. Любимая рок-группа: не признаю.
18. Любимый отечественный кинофильм: документальные фильмы. Остальное – враки.
19. Любимый город: Верхний Тагил.
20. Любимое место: гора Лубная.
21. Увлечения: орнитология, экология, зоогеография, геология, история Земли, ботаника.
22. Любимый писатель: Аркадий Фидлер.
23. Люди, сыгравшие важную роль в судьбе: писатель Борис Рябинин.
24. Любимый анекдот: не имею.
25. Ближайшие личные планы: повышать свои знания о природе и написать книгу.

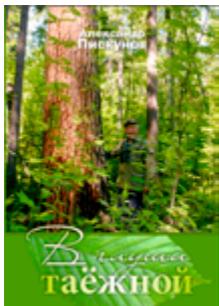

Со своими питомцами

С супругой Людмилой Михайловной

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГИ ПИСАТЕЛЯ-НАТУРАЛИСТА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА ПИСКУНОВА

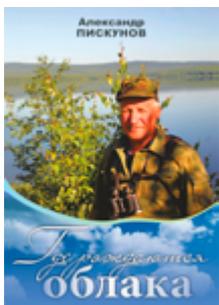
Пискунов А. Н. В глуши таёжной.

Знак информационной продукции 12+

Сборник включает в себя очерки о Висимском заповеднике, в котором автор проработал десять лет. Издание книги приурочено к 45-летию создания Висимского государственного заповедника.

Книга иллюстрирована фотографиями из архивов автора, сотрудников Висимского заповедника, уральских краеведов и натуралистов.

Издание адресовано широкому кругу читателей и позволяет приобщиться к прекрасному миру уральской природы, побуждает к бережному отношению к ней и её охране.

Пискунов А. Н. где рождаются облака.

Знак информационной продукции 12+

Издание содержит произведения о животном и растительном мире Урала, России, Туркмении. В сборник включены рассказы о пернатых питомцах автора и природе родных для него мест, очерки о его путешествиях, а также поэтические произведения.

Издание иллюстрировано фотографиями из архивов автора, сотрудников Висимского заповедника и заповедника «Денежкин Камень», зоологов, уральских краеведов и натуралистов.

Книга адресована широкому кругу читателей и позволяет приобщиться к прекрасному миру уральской природы, побуждает к бережному отношению к ней и её охране.

Издания доступны как в печатном, так и электронном виде.

Уральское Провинциальное Издательство (Uralizdat)
осуществляет подготовку и издание печатных и электронных книг.

Основная тематика изданий - история и краеведение Урала, книги о
природе, проза и поэзия, детская литература.

Подробнее с деятельностью и книгами издательства можно
познакомиться на [сайте https://uralizdat.ru](https://uralizdat.ru).

Нашу продукцию можно приобрести на [сайте издательства](#) или в
интернет-магазинах:

Наши страницы в соцсетях:

Контакты

e-mail: uralizdat@gmail.com, uralizdat@bk.ru

тел. +7- 922-221-46-16

Со времён античности люди верят, что судьба каждого из нас predeterminedена свыше, и что от рождения до самой смерти человека его душу опекает ангел-хранитель. В моей жизни было много случаев, когда вероятность остаться в живых была очень низкой. Я считал все эти события случайными...

Оглядываясь назад, я так и не нашёл ответа на вопрос: predeterminedен ли жизненный путь человека, и для чего мне Судьба подарила столь длинную, интересную, но полную опасных случайностей жизнь?

